

эпистолярный жанр

122

письма к матери

Письмо первое

*Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно...*

А. Твардовский.
«Сыну погибшего отца»

Моя дорогая, милая, любимая мама!
Пишу тебе это письмо в далёкое моё детство, когда мы жили с тобой вдвоём, рука об руку шли по жизни – страдали, плакали и печалились; иногда радовались и смеялись; долгие годы жили ожиданием. Ты ждала с фронта своего мужа, моего отца, которого мне не суждено было увидеть, о котором иногда рассказывала мне, правда, нечасто и скупно.

Наум
Исмагилов

Те годы
быльём
не поросли

Впервые из твоих уст стало мне известно, что отец мой Хамза, сын Хамидуллы, погиб на фронте в начале сентября сорок первого...

В то время ты меня ещё носила под своим сердцем, не зная, кто родится, мальчик или девочка, и каким будет долгожданный ребёнок. Да, долгожданный – до моего рождения у вас с отцом дети были. Однако моя сестра Раиса умерла, не достигнув и двухмесячного возраста, а брат Марсель прожил на этом свете всего три месяца.

И вот родила ты третьего ребёнка, сына, но судьба оказалась несправедливой – к тому времени уже не было в живых того человека, который с таким нетерпением ждал рождения своего наследника.

Хоть ты и получила с фронта «чёрную похоронку», всё равно не верила, что он погиб. Верой в то была твоя любовь к нему и обнадеживающие в те послевоенные годы слухи о возвращении из плена, концентрационных лагерей, а также репатриации солдат, объявленных погибшими.

Я хорошо помню, как ночами ты вскакивала на каждый шорох, подбегала к окну и подолгу всматривалась в ночную темь, стараясь увидеть близкого сердцу человека.

Однажды летом мы были сильно встревожены. Ночью, в очередной раз

услышав какой-то скрежет, ты встала с постели, подошла к окну и стояла там дольше обычного. А утром мы с тобой обнаружили выставленное из оконной рамы нижнее звено стекла.

В те тревожные времена повсюду шастали «лихие» люди: некоторые дезертировали с фронта, другие были беглецами из мест лишения свободы, иные просто бродяжничали. После того случая мы договорились не подходить ночью к окну. Действительно, опасное то было занятие. На окнах ведь были только одни рамы. Как правило, у нас в селе лишь на зиму вставляли вторые.

Весной дополнительные рамы снимали. Эти работы приурочивались к большой весенней уборке в домах. К такому событию готовились по-особому, точно к торжественному ритуалу. Как правило, такие работы выполнялись в конце апреля, в начале мая, в пору оживления природы. Светит ярко солнце, пробивается повсюду зелёная травка, воздух наполняется запахом весны, щебечут птицы, природа и вместе с нею люди просыпаются от зимней спячки, мы, мальчишки-пострелята, уже босиком бегаем по двору.

Такая традиция, присущая, возможно, только для нашего края, тронула глубокие струны детской души и сохранилась в памяти на всю жизнь.

Это и не мудрено. Снимая накопившуюся за зиму пыль, люди очищали не только своё жильё – они очищали, прежде всего, свои души, внутренне обновлялись, получая как бы второе дыхание для завтрашнего дня, готовясь к противостоянию предстоящим трудностям.

Работали вдохновенно, весело, с песнями, как на празднике. Свежевымытые до белизны деревянные стены, полы, потолки, оконные рамы, двери преображались, смотрелись торжественно, благоухали лесом и надвигающимся летом. В таком доме голос звучал по-особому звонко, так и хотелось кричать во всю силу.

Когда заканчивали праздничную работу, ставили самовар, садились вокруг

Наиль Исмагилов (1941) родился в селе Новомусино Шарлыкского района Оренбургской области. Окончил Оренбургское железнодорожно-техническое училище, затем, после армии, – Всесоюзный юридический институт. Работал в органах прокуратуры Оренбургской, Алма-Атинской областей, более двадцати лет был прокурором города Джезказгана... Автор нескольких книг-воспоминаний. Живёт и работает в Казани – пишет книгу о своём землякородственнике – известном писателе Рафаэле Мустафине

круглого дастархана* и пили чай. А каким оно было запоминающимся это незатейливое чаепитие! И стол не так богат: хлеб, масло или сметана, колотый сахар, но были обязательно оладьи или пирог из тыквы с пшеном. Наслаждаясь нехитрыми яствами и чаем, вели душевные беседы. И не чувствовалось усталости после трудового дня, потому что был он для всех в радость.

* * *

124

Жили мы с тобой, мама, по тем временам, можно сказать, терпимо, во всяком случае, не голодали, было во что одеться-обуться. А ведь немало многодетных семей в то время не могли себе на обед даже куска хлеба ежедневно позволить. Но всякое бывало, конечно. Случалось и я с двоюродной сестрой, тётей Гульгунной, брали холщёвые сумки и шли на берег речки собирать съедобные травы. Мы в них хорошо разбирались. Ароматными получались те травяные супы...

Во многом спасало и то, что нас было только двое – ты работала в колхозе, я, по возможности, занимался домашними делами – ухаживал за скотиной, утками, курами, таскал воду с реки, да и мало ли забот в хозяйстве.

Между прочим, за водой ходил с коромыслами на плечах... До речки двести-триста метров, а мне и десяти лет от роду не было. Тогда же я начал косить для домашней живности сено. А дядя Мажит, твой старший брат, подобрал для меня небольшую косу. Какая высокая, густая, пахучая трава росла у нас на задворках, в низине, где весной широко разливалась наша маленькая речка Неть! Какие пейзажи открывались – садись и картины пиши! От разнообразия цветов, кустарников и трав в глазах рябило.

Бывало, лежишь на густо разросшейся, мягкой, как персидский ковёр,

зелёной траве, раскинув руки, и тебя не видно со стороны. Смотришь на голубое, чистое небо, а вокруг в воздухе витает благоухание разнотравья и цветов, от которого просто пьянеешь.

Пристально вглядываясь в небосвод, вдруг обнаруживаешь, что высоко-высоко притаились лёгкие перистые облака. С первого взгляда кажется, что они висят над тобой неподвижно. Но они в постоянном движении, только надо подольше наблюдать за ними. Вот по сказочному голубому озеру плывут белые гуси-лебеди, чуть погодя, замечаешь, как две изящные птицы отделяются от стаи, вытягивают свои длинные шеи и целуются, едва касаясь друг друга своими клювами. От живительного тепла, идущего из космоса, на мгновение закрываются глаза. Открыв их в следующее мгновение, обнаруживаешь, что лебединая стая бесследно растаяла.

Утомлённые от долгого наблюдения и яркого солнечного света глаза закрываются, и ты незаметно для себя засыпаешь. Вдруг от наползающей прохлады пробуждаешься и видишь низко нависшие над тобой чёрные тучи. И вот уж первые капли дождя омывают твоё лицо.

Удивительные ощущения детства! Они помнятся лучше вчерашнего дня. Но я, кажется, отвлёкся.

Противоположный берег нашей речки Неть зарос тальником, а в тальниках росла ежевика. Было её видимо-невидимо. Чуть раздвинешь листья, и перед тобой иссиня-чёрные спелые ягоды. Так и просятся они к тебе в рот! А за речкой склоны холмов покрыты красными ягодами земляники.

Недалеко от наших огородов находилось место для купания. Хотя речка и была невеличка, но в некоторых заводях глубина её достигала до двух-трёх метров. А вода чистая, прозрачная, в глубине её видны скользящие по дну стаи рыб.

Мы, дети, купались до посинения, соревнуясь между собой, кто больше и дольше пробудет в воде. Летом мы не знали, что такое обуть, ходили босиком

* Дастархан (у народов Ср. Азии) – невысокий обеденный стол.

до цыпок. Взрослые подшучивали над нами, говоря, что скоро начнём выводить цыплят из цыпок на ногах. Теперь в деревнях мало кто ходит босиком. Помоему, таких вообще уже нет.

Держали мы с тобой кур, уток... Этим неприхотливым птицам не так много нужно было корма. Утки летом в основном пропадали на речке, питались рыбёшками, насекомыми, водорослями.

Был интересный случай. С начала весны пропала одна взрослая утка. Долго я её искал вдоль речки, но, увы, так и не нашёл. И вот поздней осенью, когда настали холода, и поверхность речки стала затягиваться льдом, наша пропавшая утка всем на удивление вернулась домой с целым выводком уже подросших утят.

У нас не было физических возможностей заготавливать в достаточном количестве кормов для содержания коровы, к тому же она требовала серьёзного ухода за собой. Поэтому мы многие годы держали пуховых коз, обычно четыре-пять голов.

Я и по сей день восхищаюсь, мама, твоей находчивостью, благодаря которой мы жили безбедно. Какую неописуемую пользу приносили эти неприхотливые животные! Не надо было заготавливать столько сена, как для коровы, они охотно поедали сено любых грубых трав и даже солому. Получали мы от них молоко, мясо, пух... А какое козье молоко вкусное и жирное! О его высочайших целебных свойствах мне стало известно уже в зрелом возрасте.

Как правило, коза приносит не менее двух козлят. За лето они набирали довольно приличный вес, а к осени уже имели до ста килограммов высококачественного, экологически чистого, диетического мяса.

Из козьего пуха ты вязала мягкие шелковисто-нежные, с тончайшими узорами, известные не только всей округе, но и всей стране, оренбургские пуховые платки, из которых само струилось тепло. Ни на одном связанном твоими руками пуховом платке узоры не по-

вторялись. Каждый раз ты, благодаря своей фантазии, изобретала лишь тебе известную узорчатую вязку.

Деньги, вырученные от продажи пуховых платков, были неплохим подспорьем для нашего семейного бюджета. Однако в большинстве случаев покупали их перекупщики-посредники по более низкой цене, чем они в действительности стоили.

Разумеется, всё само собой не приходило. Уход за козами, особенно в зимнее время, требовал немалого труда. Три раза в день их надо было кормить, поить, убирать за ними навоз, менять им постель, весной снимать с них пух. А затем предстоял целый цикл обработки пуха – выбирать волоски, чесать дважды, сучить, вязать...

Коза – животное с особенным характером, упрямое, но умное. С ними я и разговаривал, и ругался, и делился взаимовыгодными соображениями. Мальчишке десяти-пятнадцати лет заниматься с ними было и потехой, и нелёгким трудом. Коза не только умна, но и лукаво-шаловлива, обладает только ей характерными качествами – от вороватости до разбоя. Сколько неприятных минут приходилось мне пережить из-за их козых проделок, скрытно-хулиганистых повадок. Смотришь, вот они мирно уплетают разбросанное по снегу сено, не успеешь на минутку отлучиться, как они уже исчезают и оказываются в палисаднике соседей. С быстротой молнии закидывают передние копытца на ствол дерева и, ловко балансируя на задних ножках, начинают поедать любимейшее их блюдо – молодые ветки, с исключительным искусством соскабливать своими крепкими зубами свежую кору деревьев.

По соседству с нами жила Разия-апа – учительница истории. Она была одинокой женщиной, детей у неё не было. Видимо, жизнь в одиночестве превратила её в злого и желчного человека. Обладая классическим конфликтным характером, она умудрялась придрасться к любому поступку, слову...

У себя во дворе Разия-апа общалась исключительно с домашней живностью – курами, козами, собакой по кличке Рекс, кошками. Она с ними разговаривала, ругалась, а иногда даже смеялась, издавая странный скрипучий звук, похожий на скрип плохо смазанной калитки. За всё время соседства (более десяти лет) я ни разу не видел на её лице улыбки.

Так вот, если мои козы-разбойницы оказывались в палисаднике соседки, обязательно случался скандал. Её брань была ужасна. Поэтому за моими милыми подопечными нужен был глаз да глаз.

***

К моему большому сожалению, мне не было предначертано судьбой увидеть своего отца – ни обнять, ни пережить весть о его потере. Были такие моменты в жизни, когда до боли в сердце хотелось обратиться к близкому, родному человеку, посоветоваться с ним, поделиться своими сокровенными мыслями, просто припасть к его сильной груди, но с глубокой горечью приходилось подавлять в себе это чувство. За всю жизнь не довелось мне произнести слово «папа», если не считать, что в мыслях я его повторял сотни раз.

Уравновешивало меня и мне подобных, видимо, то, что мы в этом лишении были не одиноки – всё село и вся огромная страна переживали поголовную безотцовщину. Когда в 1949 году я пошёл в первый класс, нас, детей 1941–1942 года рождения, было восемьдесят душ. Мы начинали учиться в двух параллельных классах по сорок учащихся в каждом классе. Из восьмидесяти детей у семидесяти не было отцов. Это трудно себе представить, но это было так.

Для меня, мама, ты была и матерью и отцом одновременно. Но полностью заменить его не была в состоянии. Сиротство моё усугублялось ещё тем, что не было у меня ни брата, ни сестры. Большинство времени я проводил в доме один, особенно летом, ког-

да ты ранним утром уходила на работу, иногда на весь день, когда работала в поле, на сенокосе или на току. Порой чувствовал себя я очень одиноко. Может быть, и по этой причине с раннего детства подружился с книгами. Они целиком заполняли мои опустошённые душу и сознание.

Научился читать рано, когда не исполнилось и шести лет. В этом, конечно, была твоя большая заслуга. Также постаралась двоюродная сестра отца – тётя Минлебика. Она работала в школе пионервожатой, жила недалеко от нашего дома, часто приходила к нам, нередко ночевала у нас. Минлебика-апа относилась к тебе как к старшей сестре и подруге, была очень добрым человеком и красивой девушкой. Она задолго до моего поступления в первый класс подарила мне азбуку для татарских школ.

Читал я много, как только выпадало свободное время. Читал всё подряд и взхлёб. Ещё до школы записался в школьную и сельскую библиотеки. Они для сельской местности и для своего времени были довольно богатыми. Мне выдавали всё, что я просил, а иногда библиотекари сами рекомендовали те или иные книги.

В библиотеках в основном были тома советских писателей. Львиную долю из них составляли книги о Великой Отечественной войне. К сожалению, в то время было наложено табу на литературу иностранных авторов, с которыми я смог познакомиться лишь спустя много лет.

Тогда у нас в селе ещё не было электричества, светильником для нас служила семи- или десятилинейная керосиновая лампа. Частенько ты, мама, вставала, убирала книгу и загоняла меня в постель уже далеко за полночь.

Да, мама, я был не таким уж послушным ребёнком и немало хлопот тебе причинял своим поведением. Нередко, получив от тебя поручение, увлечшись игрой со своими сверстниками, часами пропадал на улице, а возвратившись домой, получал от тебя заслуженную

трёпку. Иногда, в пору гнева, приходилось даже слышать:

– Хорошие дети не выжили, а негодники, вроде тебя, остались.

Разумеется, эти обидные слова для меня были очень тяжелы, но что поделаешь, наверное, своим поведением я вынуждал тебя говорить такое.

По всей видимости, чувство одиночества, отсутствие братьев, сестёр, подобные твои высказывания и были причиной тому, что я рос молчаливым, застенчивым мальчиком. Уже впоследствии, когда стал взрослым, самостоятельным человеком, понял, что застенчивость, стеснительность не всегда играют положительную роль в формировании личности. Такая черта характера становится нередко существенной преградой в процессе становления человека – в проявлении его способностей, увлечений и даже для своевременного определения каких-то его талантов.

Застенчивый молодой человек снижает свои возможности, считая других более знающими, подготовленными, умелыми. Сдерживает способности, уклоняется от конкуренции и борьбы.

Эта брешь в моём характере прикрывалась постоянным молчанием, порой резкими ответами и даже грубостью. Поэтому для некоторых моих сверстников я казался чересчур гордым, самолюбивым, что фактически не соответствовало действительности.

Когда бы не моя застенчивость, когда бы со мною рядом был понимающий старший товарищ, мой жизненный путь, возможно, был бы иным. Не исключено, что я мог стать певцом-исполнителем. Но об этом тогда и не мечтал. Лишь много позже, когда повзрослел, стал понимать, что у меня неплохой музыкальный слух и от природы хороший голос. Однако всё равно продолжал подавлять в себе мысль о творческой деятельности, думал, что для мира искусства человек должен обладать какими-то особенными качествами, которых у меня нет.

Мы, дети войны, рождённые в годы

лишений и невзгод, воочию испытавшие каким трудом достаётся хлеб насущный, старались оказывать посильную помощь родителям, старшим, принимали самое непосредственное участие во всех делах односельчан, какими бы они сложными и не по нашему возрасту были. И, конечно же, ни о каких своих талантах и возможностях мы не думали.

Ты же знала, что никто нас не заставлял – мы сами, мальчишки пятнадцатилетних семнадцати лет, после окончания занятий в школе, во время летних каникул, не только работали в своём колхозе, но и уходили на заработки в близлежащие совхозы, где постоянно существовала нехватка мужских рабочих рук.

Мы, учащиеся восьмых, девярых, десятых классов, кто пешком, кто на велосипедах, добирались до совхозов соседнего района и заключали трудовые соглашения на выполнение каких-то работ. Фронт их был различен: производство саманного кирпича-сырца, строительство домов, ремонт помещений для скота и птицы.

В основном, конечно, мы занимались изготовлением саманного кирпича. Сколачивали бригады в составе до десяти ребят и – вперёд! Для работы нам не давали лошадей, глину месили на быках в глубоких ямах карьеров. Потом, в деревянных ящиках-волокушах готовый раствор на тех же быках вывозили из ямы, расфасовывали в деревянные формочки, убирали их, а уже готовые кирпичи оставляли для сушки. Через пять-шесть суток переворачивали их, а ещё через пяток дней кирпич был готов для кладки.

Работали от зари до зари, за световой день изготавливали до шестисот кирпичей. Жили здесь же, в самими построенных шалашах, рядом с водоёмом и нашим рабочим местом. Животные тоже паслись рядом с нами, травы хватало на заливных лугах, на ночь быков стреножили. Пищу готовили сами, каждый день один из нас по очереди был дежурным поваром, который готовил еду.

Молодость усталости не знает. Мы не забывали и об отдыхе. После трудового дня и ужина, направлялись в расположенные недалеко от нас посёлки на вечеринки, в гости к девушкам. Благо, летние вечера были тёплые, танцплощадками для нас служила улица или какие-нибудь близлежащие полянки. А музыка наша была всегда с нами – оркестром нам служила гармошка, с которой мы никогда не расставались. На этом народном музыкальном инструменте залихватски играл почти каждый из нас. Трель гармошки для девушек была как своеобразный пароль.

Так мы отдыхали, так работали, так росли. Хотя и были всего лишь учащимися татарской школы, на равных (на русском языке) вели переговоры с руководством совхозов, заключали с ними договора, трудовые соглашения, оговаривая условия предстоящей работы.

Заработанные деньги до копейки приносили домой. На эти деньги мы с тобой, мама, приобрели мне велосипед, новую тальянку, кое-какую одежду, обувь... Эти деньги помогали нам вести хозяйство и не голодать.

Те далёкие непростые годы, мама, быльём не поросли. Они в сердце моём, как и ты, и отец, которого я увидеть не успел.

Письмо второе

*Вы скорбь ночей, войной сожжённых,
Вы наша помощь, совесть, кров.
Вы – наши матери и жёны,
Ваш трудный жребий был суров.*

Кайсын Кулиев. «Женщины»

Мама, ты и тебе подобные миллионы женщин в страшные военные годы были настоящими героинями, не менее наших воевавших на передовой отцов. В полной мере вы олицетворяли героическую Родину-мать. Это никто не сможет опровергнуть.

Когда подавляющее большинство

мужчин ушло на фронт, вы, тысячи, миллионы женщин, оставаясь в тылу, выполняли, непомерно тяжёлые, не рассчитанные для ваших хрупких плеч обязанности. Вы поднимали эвакуированные заводы, выращивали хлеб, были надёжным тылом, обеспечившим, в конечном счёте, общую для всей страны Победу. На вашем полном попечении оставались старики и дети. Вы подняли нас, военное поколение детей, лишившихся отцов. Как только успевали трудиться на заводах и полях, за себя и ушедших на фронт мужей, братьев, сыновей и одновременно содержать дом, хозяйство, кормить и воспитывать детей, больше половины которых были уже сиротами, – уму непостижимо! Да, мы помогали вам, как могли... Но представьте себе быт тех времён. Печь в доме надо было топить, а для этого прежде заготавливать дрова. Воду мы таскали с реки, а чтобы разогреть её для стирки или других нужд, ни газа, ни электроплит у нас не было. Керосинки были да керогазы... Полчаса, а то и более, требовалось, чтобы вскипятить чайник воды.

Да, особенно трудно бывало зимой. Морозы у нас стояли – будь здоров! Не то, что проруби на реке замерзали – птицы на лету околевали и падали. А каково в таких условиях было работать на селе?! Ведь и в открытом поле приходилось трудиться, и в лесу...

Скошенное летом сено, скирдованную солому не всегда успевали до холодов и снега подвезти к зимним базам, скотным дворам, где зимовали лошади, коровы, козы... Поэтому уже зимой, с заснеженных полей сено и солому свозили к местам зимовки скота. И эту, сугубо мужскую работу, выполняли вы, женщины – мужских рук, понятное дело, не хватало.

Помню: январь месяц, стужа наихудшая... Ты вместе с тремя сельчанками на двух запряжённых лошадьми санях поехала на Сухую речку за сеном.

К обеду началась позёмка, а потом ветер усилился, поднялась пурга. Всё

вокруг накрыло белой непроглядной пеленой. Обычно после обеда, часам к трём-четырёх вы возвращались с грузом. Я часто встречал вас, и меня вы поднимали на воз с сеном, на самую верхотуру, и мы ехали так до самой фермы. А тут уже темнеть стало, а вас не видать. Я пошёл к бригадиру, к дяде Гатияту, и спросил, что он собирается делать, ведь мамы и её подруг, несмотря на поздний час, всё ещё нет? Гатият-абый ответил, что он ещё час назад отправил на упряжной лошади двух парней искать вас.

Парни те были совсем юными. Однако они справились с заданием – привезли вас... Но только к полуночи, в конец замёрзших, с отмороженными руками-ногами... Выяснилось, что в пургу вы заблудились, занесло вас совсем в другую сторону, ближе к соседнему селу Николаевка. Там и нашли своих односельчанок ребята.

Долго лечилась после этого. Только благодаря стараниям сельского фельдшера, тёти Мафтухи, и народным средствам бабушки Зулейхи сохранила ты свои ноги.

Вы, женщины военных времён, были прекрасны не только лицом и статью, но и душой, поступками, всей своей жизнью. Трудно подобрать слова, чтобы в полной мере охарактеризовать ваш неброский подвиг, о котором должны ещё написаться полновесные романы, повести и исторические труды. Вы были просто святыми, и мужчины должны стоять перед вами на коленях, целовать ваши натруженные руки и молиться на вас.

Ваши испытания продолжились и в послевоенные годы, поскольку из ста ушедших на фронт мужчин, восемьдесят не вернулись домой, сложили свои головы на полях битв в Великой Отечественной... Опять же в немалой степени вашими руками страна поднялась из руин, восстановила разрушенное войной хозяйство, наладила жизнь.

Ты, мама, была красивой и статной женщиной, даже молодые парни нашего села сватались к тебе, но ты осталась верной своему мужу, моему отцу. Это для меня было очень важно. Тебе об этом я не говорил, но ты, уверен, понимала меня. Спасибо тебе огромное и поклон до самой земли!